

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

*

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПАМЯТНИКИ
ПИСЬМЕННОСТИ
ВОСТОКА

XLIV

ЦЗИ ЮНЬ

ЗАМЕТКИ ИЗ ХИЖИНЫ
„ВЕЛИКОЕ В МАЛОМ”

(ЮЭВЭЙ ЦАОТАН БИЦЗИ)

ПЕРЕВОД С КИТАЙСКОГО, ПРЕДИСЛОВИЕ,
КОММЕНТАРИЙ И ПРИЛОЖЕНИЯ
О. Л. ФИШМАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА • 1974

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

А. Н. Болдырев, Ю. Е. Борщевский (ответственный секретарь),
И. С. Брагинский (заместитель председателя),
Б. Г. Гафуров (председатель), *П. А. Грязневич, И. М. Дьяконов,*
Г. А. Зограф, Г. Ф. Ильин, У. И. Каримов, А. Н. Кононов
(заместитель председателя), *Л. Н. Меньшиков, А. М. Мирзоев,*
М. С. Султанов, А. С. Тверитинова, Л. С. Хачикян,
С. С. Цельникер, Г. В. Церетели

Сборник рассказов и заметок видного китайского писателя и конфуцианского ученого XVIII в. занимает значительное место в истории китайской литературы. Сочинение до настоящего времени почти не переводилось на другие языки. Переводу предпослано предисловие, в котором исследуются жизнь и творчество автора, а также дан очерк истории развития жанра. В приложение включены указатели сюжетов, имен и географических названий. Имеется английское резюме.

Ц 0734-2016
042(02)-74 159-73

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1973.

СОДЕРЖАНИЕ

О. Л. Фишман, «Заметки из хижины Великое в малом» и их автор Цзи Юнь	13
ЦЗИ ЮНЬ. Заметки из хижины Великое в малом (Юэвэй цаотан бицзи).	
Перевод	145
Сборник 1. Записи, сделанные летом в Луаньяне	147
Сборник 2. Так я слышал	265
Сборник 3. Записки о разном, составленные к западу от софоры	315
Сборник 4. Не принимайте всерьез	373
Сборник 5. Продолжение луаньянских записей	425
КОММЕНТАРИИ	459
Географические названия, встречающиеся в переводе	534
ПРИЛОЖЕНИЯ	539
Указатель имен рассказчиков	541
Условные обозначения, употребляемые в указателе сюжетов	551
Указатель сюжетов	556
ММАҮ	577

«ЗАМЕТКИ ИЗ ХИЖИНЫ ВЕЛИКОЕ В МАЛОМ»
И ИХ АВТОР ЦЗИ ЮНЬ

Чудесами и притчами вскрывается новый мир. Первые делают обыденное необычайным, вторые — необычайное обыденным.

(Гете, Годы странствования Вильгельма Мейстера, кн. II, гл. 2).

I

Драматические события, происходившие в Китае на протяжении XVII в., изменили духовную атмосферу в стране. Вторжение на территорию Китая маньчжурских захватчиков, вступивших в сговор с китайской феодальной верхушкой, встретило героическое сопротивление народа. Установление маньчжурской династии Цин, проводившей политику жесточайшего политического, экономического и национального гнета, привело в движение феодальную оппозицию. Многие из писателей и ученых с оружием в руках боролись за независимость своей родины, став во главе сформированных на их средства отрядов сопротивления врагу, а потерпев поражение в этой неравной борьбе, прятались в лесах и горах, скрываясь от преследований правительства или от попыток маньчжуров переманить их на свою сторону.

Произведения философа-просветителя Хуан Цзун-си (1610—1695) «Записки о крепости в горах Сыминшань», «Плач за морем», «Просьба к Японии дать войска», стихи Гу Янь-у (1613—1682), Чэнь Цзы-луна (1608—1647), погиб-

шего в бою семнадцатилетнего поэта Ся Вань-чуня (1631—1647) и т. д. донесли до нас отголоски героической борьбы, в которой эти ученые и поэты принимали непосредственное участие: Хуан Цзун-си (за голову которого несколько раз объявлялась награда) сражался в Чжэцзяне, Даньшао, Цзянтяо, в горах Сыминшань, повсюду поднимая народ на борьбу с захватчиками; поэт и историк Гу Янь-у организовал добровольческий отряд в Цзяннани, скрывался от преследований, скитался по стране, голодал, сидел в тюрьме, угрожая самоубийством своим тюремщикам, которые хотели переманить на сторону двора ученого с блестящей репутацией; Ван Фучжи организовал вооруженное сопротивление маньчжурам на своей родине — в Хэньяне, а после разгрома отряда скрывался в горных пещерах провинций Хунань, Гуанси, Гуйчжоу, вел бродячую жизнь, горько и гневно упрекал тех ученых, которые перешли на сторону маньчжурского правительства.

Не у всех доставало должного мужества и решимости; не все ученые и писатели, даже отчетливо сознававшие, какие унижения и горести несет Китаю маньчжурское завоевание, сумели последовать этим героическим примерам. Одни испугались преследований, другие польстились на приманки в виде высоких должностей и почетных мест. Некоторые всю жизнь мучились стыдом и раскаянием, как поэт У Вэй-е (1609—1671), под страхом смерти вынужденный нарушить данную им клятву — не служить захватчикам — и принявший официальный пост при дворе:

Я стал седым от скорби и стыда,
От горестных и гибельных событий...
О, если бы мне вынуть из груди
Несчастное тоскующее сердце,
Чтоб лучший врач мог из него извлечь
Всю боль тоски и позднего стыда!
Но нет, увы, чем больше вспоминаю,
Тем больше скорбь снедает грудь мою.
Мои друзья, с кем жил я, с кем я рос,
В дни страшных бед не изменили долгу.
А я живу позорно, малодушно
На уровне травы у чьих-то ног...

Моя тоска, и скорбь моя, и стыд
В железные тиски меня зажали.
Но не могу жену я и детей
Отбросить прочь, как стоптанные туфли.
Я знаю — я не стою ни гроша,
Но я ль один? Среди таких событий,
Среди таких ужасных перемен
Иной бывает весел и доволен,
Иной жестокой совестью томим¹.

Сразу после установления династии Цин были запрещены все политические объединения, шли судебные преследования инакомыслящих писателей и ученых, казни, репрессии, аресты лиц, хранивших запрещенные книги², — первые предвестники «литературной инквизиции», достигшей своего апогея в XVIII в. В 1769 г. появился указ двора о поисках книг, подлежащих уничтожению³; с 1774 по 1782 г. были публично сожжены 13 862 книги, более 2000 книг были полностью или частично запрещены⁴.

Пытаясь привлечь к себе сословие ученых-чиновников, маньчжурские императоры выдавали себя за «истинных наследников» и последователей Конфуция. Для укрепления своей власти они использовали теоретические положения конфуцианского канона, многие века служившего идеологическим оплотом китайского феодального режима. Умело используя систему подготовки преданных трону слуг с помощью государственных экзаменов, без которых нельзя было получить

¹ У Вэй-е, Чувства, нахлынувшие во время болезни (пер. А. Арго), — «Антология китайской поэзии», т. 3, М., 1957, стр. 209—210

² Об этом периоде подробнее см.: С. Л. Тихвинский, Маньчжурское владычество в Китае, — «Маньчжурское владычество в Китае», М., 1966; О. Л. Фишман, О политике Цинов в области идеологии, — там же.

³ Истреблялись и запрещались книги, в которых содержались недобрительные отзывы о маньчжурах или предшествовавших им не китайских династиях, рассматривались вопросы обороны страны, упоминалось о патриотических выступлениях китайского народа, высказывались еретические взгляды на конфуцианский канон, упоминались запрещенные политические общества или группировки, имена запрещенных авторов, цитировались их предисловия, стихи, письма и т. п.

⁴ «Очерки истории Китая», под ред. Шан Юэ, М., 1959, стр. 530.

должность, новые правители Китая поощряли замену экзаменационных сочинений на темы, связанные с вопросами административного управления и экономическими проблемами, схоластическими эссе, в основе которых лежали цитаты из конфуцианского канона, трактуемые в духе неоконфуцианской догмы, ставшей теперь официальной государственной идеологией.

Сыновьям и внукам влиятельных сановников и лицам, которые жертвовали крупные суммы на нужды двора, ученые степени давались без экзаменов. Указы двора разрешали продажу должностей и ученых степеней. В 1745 г. из числа вновь назначенных уездных начальников 27,8% купили ученую степень, число чиновников, получивших степень в результате экзаменов, незначительно превышало число купивших ее⁵.

Другим способом подкупа китайской интеллигенции и отвлечения ее от занятий актуальными проблемами современности было поощрение цинским правительством компиляторства, подражаний древности, абстрактных исследований. В этих же целях первые цинские императоры провели ряд мер по упорядочению и собиранию литературного наследия. Сотни китайских ученых на весьма выгодных условиях привлекались для составления объемистых словарей и энциклопедий. Особенный размах эти работы приобрели в XVIII в., во время составления знаменитого собрания книг императорской библиотеки и каталогов к ней (в этой работе участвовало более 4 тыс. человек). Именно в эти годы и были уничтожены тысячи произведений прошлого, так как сбор книг для императорской библиотеки сопровождался пересмотром того, что было написано на протяжении веков.

Жесточайшая цензура, упрочение неоконфуцианской ортодоксии, казни писателей и ученых привели к тому, что в стране, полностью изолированной от внешнего мира, царила обстановка настоящего террора, и не удивительно, что многие мыслящие люди больше всего стремились не привлекать

⁵ E. Balazs, *The Birth of Capitalism in China*, — «Journal of the Economic and Social History of the Orient», vol. 3, pt 2, Aug. 1960, стр. 202.

к себе внимания властей; участие в составлении энциклопедий и антологий или занятия «чистой наукой» были для этого лучшим способом.

На смену научным открытиям ученых XVII в. по вопросам аутентичности конфуцианского канона, на смену материалистическим концепциям ранних просветителей приходит увлечение чисто филологическими исследованиями. Наступает спад просветительских тенденций в литературе: место замечательного романа «Сон в красном тереме» с его необычными героями, не приемлющими старой морали, заступают стереотипные «продолжения» и «подражания»; сатирический роман У Цзин-цзы «Неофициальная история конфуцианцев» (*Жулинь вай ши*) с его универсальной критикой феодальных установлений сменяют романы с охранительной тенденцией типа «Праздных речей деревенского старца» (*Е соу пу янь*) Ся Цзин-цюя (1705—1787); даже имевший столь славные традиции историко-героический роман к этому времени вырождается в ортодоксальную литературу, прославлявшую карателей крестьянского и национально-освободительного движения («История книжного червя» (*Тань ши*) Ту Шэня, 1744—1801).

Представители нового поколения, пришедшие на смену людям, с оружием в руках сражавшимся против маньчжурских захватчиков, естественно, испытывали меньшую ненависть к своим поработителям, чем их отцы и деды. И даже те из них, кто не славил в своих произведениях маньчжурских императоров, в этой обстановке неослабного контроля за мыслями не могли создать ничего, даже отдаленно напоминавшего по силе воздействия произведения такого общественного звучания, какие создали их великие предшественники — философы раннего Просвещения⁶ и романисты первой половины XVIII в.

И все-таки на фоне ортодоксальной подражательной литературы звучат новые голоса, выделяются искренние и све-

⁶ О философии и литературе китайского Просвещения см.: О. Л. Фншман, *Китайский сатирический роман (эпоха Просвещения)*, М., 1966.

жие стихи Юань Мэя (1716—1797), противопоставившего официальной идеологии, консерватизму мышления, лицемерию и ханжеству реабилитацию земной, чувственной природы человека, гедонистическую уверенность в том, что человек создан для счастья; появляются исторические пьесы Цзян Ши-цюаня (1725—1784), в которых обращение к истории вуалирует критику современности⁷, морализующие драмы Ян Чао-гуаня (1712—1791), сюжеты которых часто заимствовались драматургом из фольклора; появляются и рассказы Цзи Юня, в которых звучат ноты сатирического обличения педантов-начетчиков и чиновников-взяточников, падения нравов, борьба против превращения конфуцианской философии в догмат, призыв к доброму в душе человека. «Заметки из хижины Великое в малом» Цзи Юня возрождают просветительские тенденции, оплодотворившие китайскую литературу XVIII в. идеями равенства людей, «естественных прав» человека, ценности отдельного человека вне зависимости от его происхождения и общественного положения.

Цзи Юнь прожил долгую и в целом благополучную жизнь. Ему не пришлось переживать тех трудностей, которые выпали на долю Пу Сун-лина, всю жизнь безуспешно сдававшего государственные экзамены, или У Цзин-цзы, умершего в нужде. Он быстро шагал по лестнице, ведущей к чинам и славе, был признанным ученым авторитетом своего времени, и умер он в своей постели, а не в тюрьме, как многие его современники. Эти обстоятельства, равно как и конфуцианское образование и воспитание, полученные Цзи Юнем, а также жесткие цензурные условия, в которых ему приходилось писать, не могли не наложить своего отпечат-

⁷ Пьеса «Веннозеленое дерево падуб» посвящена жизни замечательного поэта-патриота XIII в. Вэнь Тянь-сяна, казненного за отказ служить монгольским захватчикам. Пьеса «Иней на коричневых деревьях» воспевала ученого XVII в. Ма Сюн-чжэна, казненного за отказ служить маньчжурам. Пьеса «Человек в снегу» представляла собой драматизацию эпизода из жизни ученого и писателя XVII в. Ча Цзи-цзо, заключенного в тюрьму за участие в составлении антиманьчжурского труда по истории китайской династии Мин

ка на умеренный и относительно спокойный тон «этической» критики, содержащейся в произведениях Цзи Юня, который верил в возможность «исправления общества» путем нравственного усовершенствования отдельной личности.

Мы не знаем, как писал бы Цзи Юнь, живи он в XVII или в начале XVIII в. Мы не знаем, сражался ли бы он против маньчжуров рядом с Хуан Цзун-си и Гу Янь-у. Но в условиях своего времени он «проявил незаурядное мужество», выступив «в эпоху Цянь-луна, когда законы были такими же жестокими, против несправедливой общественной морали и нелепых обычаев»⁸.

Цзи Юнь (Цзи Яо-лань, посмертное имя — Цзи Вэнь-да) родился 3 августа 1724 г. в уезде Сяньсянь (нынешняя провинция Хэбэй, где происходит действие большинства рассказов из его коллекции «Заметки из хижины Великое в малом») в семье сановника Цзи Юн-шу, в течение длительного времени занимавшего пост правителя области Яоань провинции Юньнань (отсюда его прозвание «господин из Яоани», под которым он фигурирует в «Заметках» Цзи Юня). Из отдельных упоминаний в рассказах Цзи Юня известно, что его отец получил ученую степень в 1714 г. (рассказ № 144), одно время служил в уголовной палате (№ 148), занимал должность инспектора в провинции Аньхой (№ 566). Цзи Юнь вспоминает, как он в детстве гостил в доме своего деда с материнской стороны — почтенного Чжан Сюэ-фэна (№ 24), в 1735 или 1736 г. сопровождал отца в его поездке в столичный округ, гостил в доме своей тетки госпожи Лю в Цанчжоу (№ 853, 179).

В предисловии к четвертому сборнику рассказов — «Не принимайте всерьез» — Цзи Юнь отмечает, что «после тридцати лет сдавал государственные экзамены, продвигался по службе и ночи напролет проводил в занятиях и раздумьях». В рассказе № 730 указана дата сдачи им экзамена (видимо, на первую ученую степень *сюэя*): «В год *цзя-цзы* правления

⁸ Лу Синь, Полное собрание сочинений (*Лу Синь цюаньцзи*), т. 8. Пекин, 1957, стр. 346.

под девизом Цянь-лун [1744 г.] я должен был сдавать государственные экзамены в Хэцзяни». В 1747 г. он получил вторую ученую степень *цзюйжэня*, а в 1754 г. сдал экзамены в столице на третью степень *цзиньши*. Вскоре после этого Цзи Юнь получил назначение на должность редактора в академию *Ханьлин*; в 1762 г. стал инспектором школ в провинции Фуцзянь⁹, занимал и другие должности, но в 1768 г. по обвинению в разглашении государственной тайны (сообщил своему другу ученому и библиофилу Лу Цзянь-цэну о грозящем тому аресте в связи с процессом над брашными взятки солевыми комиссарами) был привлечен к суду и сослан в Урумчи. В 1771 г. Цзи Юнь был прощен и возвращен в Пекин. Упоминания о пребывании в Урумчи встречаются в целом ряде рассказов из коллекции «Заметки из хижины Великое в малом»¹⁰.

В уже цитированном предисловии Цзи Юня к сборнику «Не принимайте всерьез» говорится, что после пятидесяти лет он был назначен редактором «Каталога Полного свода четырех сокровищниц» (*Сыку цюаньшу цзунму*) — книг, собираемых для императорской библиотеки. Цзи Юнь был одним из главных редакторов этого каталога, а также составителем «Сборника резюме книг, входящих в Полный свод четырех сокровищниц» (*Сыку цюаньшу тияо*). Вместе с ученым Лу Си-сюном (1734—1792) Цзи Юнь занимался просмотром и отбором книг и рукописей, признаваемых достойными для включения в императорскую библиотеку, и составлением заметок, помещаемых перед каждой книгой (в

⁹ Сведения, почерпнутые из рассказов Цзи Юня, совпадают с материалами его биографии, приводимой в таких источниках, как *Цин ши гао*, изд. 326, *Цин лешуань* (*Чжунхуа шудянь*, 1928), *Циндай сюэжэ сяньчжуан* (под ред. Е Гун-чо, 1928) и др.

С летописью жизни Цзи Юня, составленной Ван Лань-инем (*Цзи Сяо-лань сяньшэн няньпу*, — «Шида юэкань», т. I, 1933, № 6), мне не удалось ознакомиться.

¹⁰ См. рассказы № 81, 98, 219, 414, 417, 436 и др. Цзи Юню также принадлежит сборник из 160 стихотворений — «Урумчйские стихи о разном» (*Урумчи цзашу*), — «Цуншу цзичэн», Шанхай, 1937.

этих заметках давалось название книги, имя ее автора, место его рождения, определялась разбивка книги на главы, оценивались стиль автора и его идеи). Собранные вместе, эти заметки составили «Каталог Полного свода».

Полный каталог делил книги на 44 раздела, после каждого раздела шли заметки о произведениях, не включенных в семь копий, сделанных с книг императорской библиотеки, но и не подвергнутых сожжению. В каталог входило 3448 произведений, включенных в библиотеку, и 6783 книги, лишь упомянутые в нем¹¹.

Не удивительно, что при таком количестве книг, с которыми приходилось знакомиться редакторам, работа затянулась более чем на десять лет. Сам Цзи Юнь писал: «В 1773 г. мне было приказано редактировать императорскую коллекцию книг. Затратив десять лет усилий, я завершил составление «Полного каталога» в 200 *цзюанях* и представил его императору»¹².

Однако вскоре были обнаружены ошибки переписчиков, а главное — в «Четыре сокровищницы» попали книги, содержащие нежелательные для маньчжуров фразы или отдельные слова, вследствие чего Цзи Юнь был вынужден заняться пересмотром издания, которое он считал уже законченным¹³. Из его рассказа № 640 видно, что в связи с этой работой ему пришлось провести зиму 1788, осень 1789, лето 1790 и весну 1793 г. в провинции Жэхэ, где во дворцовой библиотеке Вэньцзиньгэ хранилась четвертая копия «Полного свода четырех сокровищниц».

В 1789 г. Цзи Юнь был также командирован в Луаньян

¹¹ О принципах составления «Каталога Полного свода» см.: «Encyclopedia quatorum bibliothecarum», Shanghai, 1946 (на кит. яз.), а также: W. H u n g, Preface to an Index to Ssü-k'u Ch'uan-shu tsung-mu and Weishou shu-mu, — «Harvard Journal of Asiatic Studies», 1939, vol. 4, № 1.

¹² Цит. по: W. H u n g, Preface to an Index, стр. 53.

¹³ За собственный счет Цзи Юню пришлось внести необходимые исправления и заменить новыми книгами те, что были изъяты из состава императорской библиотеки и ее «Каталога». Другим главным редакторам — Лу Си-сюну и Лу Фэй-чи — были вынесены суровые взыскания за допущенные промахи.

(уезд в нынешней провинции Хэбэй) для наблюдения над работой переписчиков. Там и был им написан первый сборник его рассказов — «Записи, сделанные летом в Луаньяне». Последний сборник коллекции также был составлен в Луаньяне, куда Цзи Юнь сопровождал императора в 1798 г.

Цзи Юнь служил в палате обрядов (№ 702), а потом занимал должность главы этой палаты. Пять раз он был главным экзаменатором на государственных экзаменах, занимал должность начальника цензората, возглавлял военную палату, был наставником наследного принца. Умер он 14 марта 1805 г., через несколько дней после вступления в должность помощника первого министра.

Цзи Юнь был крупным ученым с разносторонними интересами: он известен не только благодаря своей работе над составлением «Каталога Полного свода четырех сокровищниц» и «Сборника резюме книг, входящих в Полный свод» и филологическим исследованиям¹⁴, но и как издатель ряда поэтических антологий и трудов предшествующих ученых по филологии (в частности, по вопросам китайской просодии¹⁵), как автор многих предисловий к чужим трудам¹⁶, как поэт, коллекционер тушечниц и автор книги о надписях на них. Упоминания об увлечении коллекционированием тушечниц встречаются и в его заметках (№ 53, 453, 592, 788, 802).

Славу Цзи Юню принесли его рассказы, собранные в опубликованной в 1800 г. его учеником Шэн Ши-янем кол-

¹⁴ Цзи Юню принадлежит исследование о теории «Четырех тонов Шэнь Юэ» (*Шэнь-ши сы-шэн као*), предисловие к которому датировано 1760 г. Он составил также критические замечания к комментариям Хуан Шу-линя на сочинение «Резной дракон литературной мысли» (*Вэньсинь дяолун*) (см.: *Вэньсинь дяолун цзи-чжу*) и другие работы.

¹⁵ Так, он был издателем исследований о рифмах к «Книге песен» (*Шэнь-дин Фэнъя и-инь*).

¹⁶ Интересно, что Цзи Юнь был автором двух предисловий к *И Ге Ючжипсо* — собранию сочинений Хон Хян Хо (1724—1802) — корейского ученого-конфуцианца, приезжавшего с миссией в Китай (О. П. Петрова, Описание письменных памятников корейской культуры, вып. II, М., 1963, стр. 31).

лекции «Заметки из хижины Великое в малом»¹⁷, состоящей из пяти сборников, которые выходили сразу по их написании.

«Записи, сделанные летом в Луаньяне» — 1789 г.

«Так я слышал» — 1791 г.

«Записки о разном, составленные к западу от софоры» — 1792 г.

«Не принимайте всерьез» — 1793 г.

«Продолжение луаньянских записей» — 1798 г.

О популярности произведений Цзи Юня у его современников свидетельствует факт прижизненных изданий отдельных сборников и всей коллекции его рассказов и заметок¹⁸; об этом же говорит и то, что многие писатели конца XVIII — первой половины XIX в., выпустившие ряд сборников коротких рассказов о необычайном, подражали Цзи Юню¹⁹.

¹⁷ *Юэвэй цаотан* — Хижина Великое в малом — реальный «адрес», название дома в Пекине, в котором жил Цзи Юнь. Современный адрес — улица Хуфанцяо дацзе, 45 (на северной стороне), во Внешнем городе; после смерти Цзи Юня дом этот неоднократно перестраивался. В 30-х годах XX в. в нем собиралась труппа театра пекинской музыкальной драмы, которой руководили Юй Ши-янь и Мэй Лань-фан [см. сб. «Рассказы о пекинских улицах» (*Бэйцзин цзедао*), Пекин, 1958, стр. 69, 71].

Эти сведения, как и данные по топографии Пекина, сообщены мне В. В. Петровым, который раскрыл также литературные псевдонимы ряда персонажей Цзи Юня — его современников, локализовал некоторые стихотворные цитаты в публикуемом переводе, за что приношу ему свою искреннюю благодарность.

¹⁸ В предисловии ко второму сборнику Цзи Юнь писал: «Я еще не считал законченными «Записи, сделанные летом в Луаньяне», как на них накинудись книготорговцы и издали их без спроса и против моего желания...» В предисловии к третьему сборнику упоминается о том, что первые два сборника уже изданы книжными лавками. Собрание стихов и эссе Цзи Юня было издано посмертно, в 1812 г., под названием: *Лин Вэнь-да гуи и-цзи*.

¹⁹ Среди подражаний Цзи Юню Лу Синь называет «Услышанные рассказы» Юэ Цзюня (предисловие датировано 1792 г.), сборник рассказов Сю Юань-чжуна «Болтовня» (предисловие 1827 г.), «Собрание рассказов» Ян Юн-чжуна (предисловие 1848 г.), «Случайные заметки из Шанхая» и «Шанхайская смесь» Ван Тао и др. (см.: Лу Синь, Полное собрание сочинений, т. 8, стр. 179).

В послесловии к сборнику «Не принимайте всерьез» Шэн Ши-янь так писал о своем учителе:

«Господин из Хэцзяни более двадцати лет приводил в порядок материалы для «Четырех сокровищниц», слава о его научных и литературных успехах заполнила Поднебесную. Он был человеком необщительным и не очень любил всякие сборища. Живя уединенно, он возжигал курения и писал, закрыв двери. К семидесяти годам он не изливал уже больше своего сердца в стихах, а записывал слышанные им старые истории, чтобы скоротать время. Сначала им были созданы «Записи, сделанные летом в Луаньяне», затем сборники «Так я слышал» и «Записки о разном, составленные к западу от софоры». Все эти сборники уже изданы книжными лавками. В летние и осенние месяцы этого года (1793 г.— О. Ф.) он написал четвертый сборник, названный им словами Чжуан-цзы «Не принимайте всерьез...» (т. 3, стр. 157).

Европейскому читателю рассказы Цзи Юня почти неизвестны. Шестьдесят из 1193 были переведены на французский язык и составили книгу «Le lama rouge et autres Contes», Paris, [1923?]. Переводы эти были выполнены жившим в Париже в 20-х годах китайским дипломатом Чжэн Ло (Tcheng-Loh) и обработаны Люси Поль-Маргерит (m-me Lucie Paul-Marguerite), но большинство из них скорее относится к пересказам или в лучшем случае к описательным переводам. Моралистические концовки Цзи Юня в этих переводах, как правило, опущены. Два рассказа в переводе на английский язык были помещены в книге Форнаро (С. Ф о г п а г о, Chinese Decameron, New York, 1929)²⁰, семь рассказов было включено в изданную на английском языке в Пекине (1961 г.) книгу «Stories about not being afraid of Ghosts»²¹.

В историях китайской литературы, выходявших на евро-

²⁰ Ссылка дается по изданию: M. Davidson, A List of Published Translations from Chinese into English, French and German, pt I, Michigan, 1952, стр. 100.

²¹ Один из этих рассказов был перепечатан в журнале «Chinese Literature», Peking, 1961, № 5.

пейских языках, имя Цзи Юня почти не упоминалось²²; в неопубликованных работах Б. А. Васильева Цзи Юню отведено незначительное место, причем влияние на него идей буддизма переоценено²³. Лишь в последние годы в работах советских китайстов стали упоминаться «Заметки из хижины Великое в малом»²⁴. Что же касается оценки Цзи Юня на его родине, то восхищение его современников сменилось равнодушием их потомков. Цзи Юнь был забыт на многие годы. В ходе «литературной революции», последовавшей за движением 4 мая 1919 г., произошла переоценка некоторых несправедливо забытых или недооцененных произведений старой китайской литературы. Среди таких памятников старой повествовательной прозы, прочитанных по-новому, были и «Заметки из хижины Великое в малом», переиздававшиеся в Шанхае в 1918, 1923, 1925, 1926, 1931, 1932, 1933 гг. и в Пекине — в 1936 г.

²² В книге Ou Itai «Essay critique et bibliographique sur le roman Chinois» (Paris, 1933) о Цзи Юне см. стр. 148—149.

²³ В статье «Китайская литература и ее изучение», предназначенной для опубликования в ежегоднике «Библиография Востока», Б. А. Васильев писал: «Эпигонствующая литература на схоластическом языке пытается найти выход в возрождении жанра новелл древней фантастической литературы, и появляются фигуры Пу Сун-лин'а и Цзи Юня с их изысканными новеллами, стилизованными под древние новеллы... Сочиненные Цзи Юнем «Записки из хижины Ио-вэй», сборник такого же типа, как и Ляо-чжай, но с явным влиянием чисто буддийских мотивов воздаяния и кармы» (АВ, р. 1, оп. 1, № 215, лл. 77—78).

В работе Б. А. Васильева «Очерки по истории китайской литературы» говорится: «Наряду с Ляо Чжаем большой популярностью пользуется в Китае и другой, почти аналогичный, но уже явно буддийского направления сборник фантастических новелл... Цзи Юня» (АВ, р. 1, оп. 1, № 217, л. 290).

²⁴ Небольшой очерк, посвященный творчеству Цзи Юня, содержится в кн.: О. Л. Фишман, Китайский сатирический роман, стр. 67—70. В. И. Семанов упоминает о Цзи Юне в своей книге «Лу Синь и его предшественники» (М., 1967, стр. 72).

Интерес представляет то обстоятельство, что на хранящемся в библиотеке ЛО ИВ АН СССР экземпляре шанхайского издания *Юэвэй цаотан бицзи* рукой акад. В. М. Алексеева сделана помета: «Всем. лит.», свидетельствующая о том, что В. М. Алексеев предполагал включить переводы этой коллекции в серию «Всемирной литературы».

Лу Синь сумел разглядеть в рассказах Цзи Юня «о лицах и бесах» критику современного писателю общества, его нравов, восхищался наблюдательностью и смелостью Цзи Юня, его юмором, превосходным языком его рассказов, что он и отмечал в лекциях «Историческая эволюция китайской художественной прозы», прочитанных летом 1924 г. в Сиани. Лу Синь считал, что сам Цзи Юнь не верил в сверхъестественное, но, чтобы воздействовать на невежественных людей, был вынужден обращаться к сверхъестественному и магическому. Смелость Цзи Юня, широта его взглядов «заслуживают нашего величайшего уважения», — писал Лу Синь, указывая, что подражатели Цзи Юня не сумели усвоить характерный для его произведений критический дух, а восприняли только мистическую и дидактическую стороны его творчества²⁵.

Позднее, в пылу полемики с Юй Да-фу, Лу Синь пересмотрел некоторые свои оценки старой китайской прозы и начал подчеркивать дидактичность рассказов Цзи Юня. Именно это, а не ранние высказывания Лу Синя (в которых подчеркивались «незаурядное мужество» Цзи Юня и критическая направленность его рассказов) было взято на вооружение некоторыми современными китайскими литературоведами, которые отвергли как недостойные внимания, вредные или «ущербные» многие замечательные произведения китайской прозы XVI—XVIII вв. И произошло это не только в угаре так называемой «культурной революции», деятели которой отказались от своего великого культурного наследия. Все последнее десятилетие на концепции многих китайских литературоведов накладывали отпечаток вульгарный социологизм, неисторичность подхода к литературным явлениям, догматизм, из сферы политики перешедший в сферу литературоведения и литературной критики. Многие китайские литературоведы с единой меркой подходили к самым различным произведениям прошлого, рассматривали их с сугубо современных позиций. Этот антиисторический подход

²⁵ Лу Синь, Полное собрание сочинений, т. 8, стр. 346.

определил и их отношение к творчеству Цзи Юня²⁶. Большинство китайских работ последних лет вообще игнорирует «Заметки из хижины Великое в малом», те же истории китайской литературы, которые упоминают эту коллекцию рассказов Цзи Юня, характеризуют его творчество как «реакционное», упрекают его в «пропаганде феодальной морали», «феодалных суеверий», «буддийской теории воздаяния за добро и возмездия за зло» (на подобной позиции стоят, например, авторы «Истории китайской прозы», 1962, авторы «Истории китайской литературы», опубликованной институтом литературы АН КНР в 1962 г. в Пекине, и др.).

Между тем объективный анализ «Заметок из хижины Великое в малом» подводит непредвзятую читателя этой коллекции коротких рассказов, морализующих анекдотов и заметок научного, информационного и публицистического характера к совсем иным выводам.

В настоящем издании публикуется перевод около 300 рассказов и заметок Цзи Юня из пяти его сборников; переводы сделаны по изданию *Юэвэй цаотан бицзи*, Шанхай, 1923, тт. 1—3. Переводы перемежаются кратким изложением содержания непереуведенных произведений в последовательности, соблюдающейся в оригинале. В ксилографическом издании (Шанхай, б. г.) одна запись отделяется от другой только большой точкой — кружком; в переиздании 20-х годов нашего века (Шанхай, 1923) каждая новая запись начинается с красной строки. В переводе для удобства ссылок поставлены порядковые номера рассказов: переведенных — в круглых скобках, изложение непереуведенных произведений — в квадратных (которые часто охватывают несколько рассказов подряд).

Перевод максимально приближен к оригиналу, интерполированные слова заключены в квадратные скобки; встречающиеся в нескольких рассказах круглые скобки соответствуют

²⁶ Объективная оценка творчества Цзи Юня дается в работах таких китайских литературоведов 20—50-х годов XX в., как Цзян Жуй-цао, Фань Янь-цяо, Ян Инь-шэнь, Тань Чжэнь-би, Лю Да-це, но произведения Цзи Юня не были предметом специального их исследования.

скобкам, с помощью которых Цзи Юнь выделял свои пояснения к тексту.

При отборе материала для перевода основным требованием были как репрезентативность материала, так и желание избежать множества повторений сюжетов, характерных для творческого метода Цзи Юня; кроме того, казалось важным шире представить Цзи Юня как автора сюжетных произведений, а не как автора заметок научного и информационного порядка.

Помещенный в приложениях указатель сюжетов служит материалом для некоторых выводов, содержащихся в статье и касающихся, в частности, вопросов о повторяемости сюжетов, о роли сверхъестественных сил в рассказах Цзи Юня и т. п.²⁷.

²⁷ Пользуюсь случаем, чтобы принести благодарность Г. А. Левинтону, оказавшему мне большую помощь при разработке схемы указателя сюжетов.

SUMMARY

The book is intended to introduce the reader to one of the most interesting examples of eighteenth-century Chinese prose of the smaller forms — «Notes from a Hut Named Much-in-Small-Compass» (*Yüeh-wei ts'ao-t'ang pi-chi*), by the eminent writer and scholar Chi Yün (1724—1805).

This author, the son of a high-ranking official, held in the course of his lifetime several positions as an official. He was one of the principal editors of *The Complete Catalogue of the Imperial Library in Four Branches of Literature* (*Ssü-k'ü ch'üan-shu tsung-mu*) and wrote a series of philological researches. He also published several anthologies of verse. Another interesting work of his is entitled «The Book on the Ink-Slabs and the Inscriptions They Bear» (*Yüeh-wei t'sao-t'ang yen-p'u*). During the last years of his life, Chi Yün was President of the Censorate, the Board of War, and Board of Ceremonies. A collection of short prose works in five volumes entitled «Notes from a Hut Named Much-in-Small-Compass», first published in 1800, brought him fame.

Chi Yün's prose is almost unknown to the European reader. Up to the present, only about seventy of these stories have been translated into European languages. In his own country, no researches especially devoted to his work have appeared. Brief, though objective evaluations of it may be found in works by Lu Hsun and other Chinese scholars, written during the period extending over the 1920s—1950s. These were succeeded by a negativist, vulgarly-sociologized approach typical of the prevailing view of Chinese literary studies at the time of the so-called «cultural revolution». In this book, however, where Chi Yün's writing is represented by selected

translations, a place of importance has been accorded to analysis of his creative work and to the salient features of his ideas and his art.

Chi Yün's collection yields a wealth of material for typological analysis, carried out in the first place with the aid of the «Plot-index», determining the recurrence of subjects and their variation.

Subjects are arranged in this index under eight main headings: didactic stories of the supernatural (413), didactic stories of the natural (85), didactic notes on the supernatural (1), didactic notes on the natural (12), non-didactic stories of the supernatural (518), non-didactic stories of the natural (23), non-didactic notes on the supernatural (30), non-didactic notes on the natural (106). Five stories are placed in a special group, since Chi Yün had not reached a definite conclusion as to whether the events described had resulted from natural or supernatural causes and possessed an edifying purpose or not.

In itself, this primary division into main groups affords material for some preliminary conclusions. For instance, it is immediately obvious that the number of stories (1044) considerably exceeds the number of notes (149); that supernatural subjects form 89 per cent of the tales, while the notes on this theme constitute no more than 27.5 per cent. Another noticeable point is that the didactical predominates in the tales but not in the notes.

In these supernatural-didactic tales, unearthly forces are concerned about people, over whom they keep an unremitting watch, and even react after their own fashion to people's conduct. The introductory article gives a series of tables defining not only the reaction of the supernatural forces to human behaviour, but also the traits of character and actions of persons who evoke this reaction; on this basis it is possible to evolve a kind of scale of those moral values which proved to be closely related to traditional Chinese ethical conceptions.

More than a hundred tales compose several groups in the Plot-index, illustrating the favourable attitude adopted by supernatural forces to virtuous people, to genuinely learned

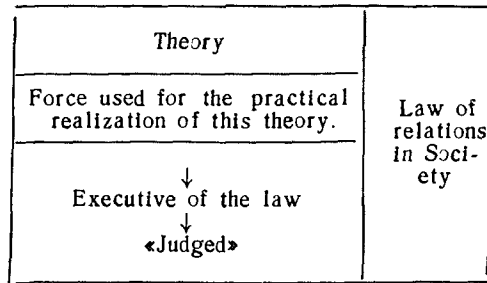
scholars, to persons respectful to their elders, to scrupulously conscientious officials, and so on. More than two hundred tales afford evidence of the negative attitude of these forces towards profligates, cruel and malevolent people, to pedants, charlatans and those who behave disrespectfully to their elders; fifty-three tales demonstrate the ways by which virtuous people overcome evil, relying on their own goodness, wisdom, or courage.

It is clear that the recurrence of subjects in Chi Yün's collection is not fortuitous but is accorded the importance of a principle.

Applying V. Y. Propp's terminology, and the conclusion formulated in his «Morphology of the Folktale» to Chi Yün's collection, we may affirm that the supernatural personages in various tales perform practically identical functions; these functions are «permanent values»; the personages themselves, the motivation of their actions, the mode of carrying out their functions, are «variable values». Heaven, or the Judges of the Kingdom of the Dead, and spirits, may punish the profligate, the thief and the robber, or they may reward the virtuous, aid the needy, and pardon those who have offended through ignorance. The behaviour of demons differs from that of spirits, the behaviour of the fox-werewolf from that of the Judges of the Kingdom of the Dead, but the functions of these are identical: they all have the power to deal out rewards or punishments according to people's actions. V. Y. Propp concludes that the wide variety observed in the folktales, and their uniformity (recurrence) is explained by the limited range of functions as compared with the wide range of characters; and this is applicable to the majority of Chi Yün's didactic tales about the supernatural — here recurrence of subjects is a definite structural principle.

The activity of supernatural forces in Chi Yün's stories is not lawless and perverse but is governed by a definite purpose, a certain attitude to social relations established, as the writer considers, by Heaven, a law known and formulated by the wise Confucians of antiquity. Heaven, spirits, Judges of the Kingdom of the Dead, and — in rare instances — people themselves are

the instruments of this law; these people are sub-divided into judges who assess the actions of others, and the «judged» (offenders) who are the principal characters in the tale. Chi Yün's model of the world, then, looks something like this:

«Law» is here understood in the sense of establishment, rule (theory), and likewise in the meaning suggested by a term such as «the law of nature», that is — «necessity». Therefore, in Chi Yün's model of the world, law realizes itself and constitutes a force capable of ensuring obedience (usually through the medium of judges). Yet we know that some events in the stories proceed according to the author's will. In these cases, the author also becomes the force that puts the «law» into practice. It appears, then, that the model of the world re-created by the reader of Chi Yün's tales differs somewhat from that in the diagram, since the author's personality appears in it (with his own evaluation of people and events, of adjudicators and offenders) in the role of the supreme judge.

The function of supernatural forces is to give practical expression to moral evaluations formulated by the writer: in short, to act as the omniscient instrument of supreme necessity — «law». Moral values as established by the writer are frequently expressed in the form of edifying exhortations or sententious phraseology summarizing the whole purpose of the story. The didactic trend of Chi Yün's tales determines, to a considerable extent, the author's involvement in the narrative.

Like the authors of official Chinese biographies who wrote with an instructional purpose (giving exemplary cases or, less

frequently, illustrations of pitfalls to be avoided), Chi Yün was interested in two aspects of man's life: his functions in his employment and his domestic affairs. The writer considered that man's nature could be perfected through upbringing and education, and also through the beneficial influence of good examples. It was for this reason that he paid such close attention to every detail of human behaviour, and presented his characters against the background of family life, in society and in state affairs. He showed exemplary brides and bad ones, malicious mothers-in-law and kind ones, faithful and unfaithful wives, respectful and disrespectful sons, conscientious and also unscrupulous officials, learned scholars, and imposters.

Through the medium of his book-title «Notes from a Hut Named Much-in-Small-Compass» (the essential meaning is satisfactorily conveyed by the familiar Latin expression «multum in parvo») Chi Yün suggests that in the trifling things of private life, in certain episodes, in particular cases, in homely details, the vast system of a reasonable, purposefully-ordered world may be discerned, and that great moral laws may underlie miniature sketches, slight stories, and brief notes made in passing. By dwelling on the small things of life, Chi Yün revealed much that could prove of outstanding significance. He revealed also the literary method he employed — exposure of the contrasting world of evil spirits parallel to the world of men.

This writer wanted to teach his contemporaries nothing but good; he found, however, that life yielded few examples of worthy rulers, honest officials, wise and righteous scholars, capable of improving social morals by their personal example. So Chi Yün resorted to the use of the fantastic, not only in the exposition of his ideas about proper human conduct but also to give people instruction in this field; instead of abstract precepts and sermonizing, he indicated concrete examples which were more impressive because they were so unusual. If people were capable of despicable actions, these should not remain hidden; powers exist that watch everything that is done under the sun, and can foretell people's most secret inten-

tions. No matter if the human environment of a person remains indifferent to his actions, he cannot offend with impunity because forces exist that react to evil and, since they are not trammelled by mutual obligations, by the indifference or fear of the great and powerful of this world, they can inflict punishment in proportion to the offender's guilt... This, then, is the reason why so many tales about the supernatural are found in Chi Yün's collection.

As is evident from its title, the book belongs to the «pi-chi» genre, which has a long history. In the introductory article its evolution is traced from early collections of records of the greatest variety (including short stories, miscellaneous notes on remarkable events, stories from the lives of eminent persons, opinions on literature, philosophy, history, customs and morals prevailing at different historical periods, on natural phenomena, notable places, and so on) up to Chi Yün's works, in which the underlying idea is didactical, exposing degraded morals and conveying instruction the contemporary readers through the medium of concrete examples. For the first time in the «pi-chi» collections, a single observer is apparent behind the miscellaneous jumble of diverse observations and thoughts, which he evaluates and transmits through the subject of his narrative.

Following the tradition of the pi-chi genre, Chi Yün compiled these collections of disparate records in which the short stories were accompanied by notes of an informative and publicist nature. In the introductory article, the stories are divided into two types: one — narratives resembling anecdotes, *i. e.*, without a setting, and — other narratives resembling the short story placed in a setting. In those of the first type, the contents are, as a rule, confined to the plot; they are about an event (usually only one) and its outcome, and are built around a conflict, a contradiction. The action follows a single-line development and aims at unity of effect attained through uninterrupted narration. Works of the second type are generally distinguished by some earlier history, are marked by a relative duration of time, and some consecutiveness is evident in the events described; the character in the second type of

narrative (in a setting) figures in a series of episodes or stages showing its progress through life, and not in a single definite episode. The emphatic dynamic quality is absent in the development of the plot. The introductory article gives studies of both types of narrative, themes of notes inserted by Chi Yün between the stories and anecdotes, and defines a series of genre-features typical of the pi-chi collections.

Chi Yün's inventiveness is discerned at the basis of his plot-narratives, but, true to the traditions of the pi-chi genre, he strove to endow even tales and anecdotes about supernatural personages with a «factual» and «authentic» character. This he did by introducing «narrators», by referring to eyewitnesses of extraordinary occurrences, by giving details of time and place, and — what is more important — by drawing from the most improbable «case» a concrete edifying conclusion for the benefit of the contemporary reader.

In Chi Yün's works the effort to produce the impression of authenticity is associated not only with the laws of the pi-chi genre; he considered it important to illustrate the underlying idea-concept of his collection: the assumption that good should overcome evil, that a moral example should guide the erring and the transgressor towards the right path. In presenting a series of examples in which supernatural forces rewarded the good and punished the bad, Chi Yün created a series of variations on identical themes that serve as evidence of the basic idea of «Notes from a Hut Named Much-in-Small-Compass». By giving the time and place of action, or by mentioning the narrator's name, the authenticity of the story was established on one hand but, on the other hand, these things showed that the events described had happened in different places at different historical periods, and, consequently, confirmed their independence of time and scene, and the fact that they were universal, unmitigated, and natural. According to the tables given in the article, the distribution of these happenings at different times and places permits the reader to conclude that this distribution is not fortuitous but is intended to prove that everywhere supernatural forces have always

punished the wicked, while courageous, clever and honest people have always conquered evil everywhere.

Chi Yün was interested in facts, events and instances in so far as these illustrated his own instructional ideas and could serve as material for moralizing conclusions and edification. Therefore, he chose the short-story genre which did not require him to show the emotions and the inner world of his characters. These characters are generalized according to some particular quality or ruling passion (miserliness, hypocrisy, honesty, and so on). His personages are endowed with the kind of character previously decided upon and, more often than not, appear in some separate episode not associated with their lives before the specified time, or, at all events, not conditioned by it. Between one tale and another certain traits accumulate in the hero's character and form a type. The result is a typical character but the focal point lies in the situation in which the character must act and reveal himself. This typical character is often associated with a personage's profession or his mode of thought (for instance, from tale to tale the image of the pedant continues to acquire new traits). Within those limits an ideal normative character exists, the traits suggested by traditional conceptions of what is fitting and proper. Some of Chi Yün's heroes approach this ideal but the majority are shown as deviations from it. The idea of what is «fitting» is always present though invisible; the measure of the personage's individuality consists in the degree of deviation and approximation to this ideal character.

The result of the resemblances existing between many of Chi Yün's personages is that the typical prevails, dominating the individual; the moral side of human behaviour is accentuated, i. e., the aspect conceptually perceived, and not the individual, imaged aspect. Hence, the very sparing insertion of individual traits (portraits and details), their substitution by word-characterization which expresses more thought than the imaged presentation. The problematic idea of «right» and «wrong» behaviour invokes conceptual and not sensual perception.

Chi Yün believed that it was possible to correct social morals through the education of individual members of society; he dreamed of seeing his contemporaries leading better, cleaner, more moral lives than at present; his morality was built upon reason and «universal benefit», rather than upon religious beliefs and traditions. He was not only a teacher of morals but also a critic of certain aspects of social life (no wonder, then, that Lu Hsun spoke of the writer's «civic courage», his «unusual bravery» in protesting against the injustice of social morals during the Ch'ien-Lung epoch, when laws were so severe). This was the reason why Chi Yün's works became interwoven with the general ideology of the Chinese Enlightenment. His moral teaching, aimed at the ethical rather than the social sphere, was characteristic of the more moderate ideologists of the Chinese Enlightenment, and in many ways resembled the enlightenment movement in the West. In particular, it showed similarities to the work of English and Russian publishers of journals of a satirical and edifying tone in the eighteenth century.

In the concluding part of the introductory article, a comparison is drawn between Chi Yün's collection of tales and the satirical periodicals of Richard Steele and Joseph Addison («The Tatler», «The Spectator», «The Guardian»), and also those of the Russian educator N. I. Novikov («The Drone», «The Painter» and «The Idier»), a comparison based, not only upon the similarity in the trend of the ideas and aims of these periodicals, but also upon the structure and form of their contents.

The assumptions and conclusions contained in the introductory article are founded on the material of the 1193 narrative-units although the translation includes only about three hundred of Chi Yün's stories and notes from five volumes of his collection. The translations alternate with brief summaries of the contents of the untranslated works. The same consecutive order is retained as in the author's collections (the ordinal numbers in the translation are inserted for convenience in using the Plot-index.

Material for translation was selected in accordance with its representative character. An attempt has been made to give the maximum number of subjects, avoiding the frequent recurrence typical of Chi Yün's creative method; furthermore, it was hoped to give a more extensive picture of his work as author of subject-narratives, rather than of notes of a scientific and informational nature.

The translation is accompanied by a commentary elucidating and identifying some of the personages in the stories with historical characters or contemporaries of Chi Yün, explaining the titles of works mentioned in the stories, etc. A formula for each story corresponding to the Plot-index is given. To avoid repetition in explaining place-names, a concise annotated index of geographical names follows the commentary.

The Appendix includes an index of the narrators who figure in Chi Yün's works, a Plot-index and also explanations of the conventional signs used. The Plot-index may prove useful not only to scholars making researches in Chinese prose, but also to those studying the prose genres in other literatures.

Ц И Ю Н Ъ
ЗАМЕТКИ ИЗ ХИЖИНЫ
«ВЕЛИКОЕ В МАЛОМ»
(Юэвэй цаостан бици)

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Н. А. Кукушкина*
Младшие редакторы *Н. Х. Винокурова, Р. Г. Канторович*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *С. В. Цветкова*
Корректоры *Н. Б. Осягина и М. З. Шафранская*

Сдано в набор 11/VII 1973 г.
Подписано к печати 26/XI 1973 г.
Формат 60 × 90^{1/16}. Бум. № 1
Печ. л. 37. Уч.-изд. л. 31,07
Тираж 4200 экз. Изд. № 3303
Зак. № 623. Цена 2 р. 20 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
3-я типография издательства «Наука»
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
12	1 сн.	тмагу	Summary
48	18 св.	Фэндунчэне	Фэндунчэне
55	2 сн.	Asian	Asiatic
67	2 сн.	La Chine	entre la Chine
85	8 св.	что и в табл. 1	что и упоминавшиеся на стр. 80
86	6 св.	ей совсем чужда	ей совсем не чужда
86	20 св.	III, 16,9—13	III, 16,8—13
96	13 св.	этнический	этнический
119	5 сн.	Дунь	Дун
119	6 сн.	Цянь Бо-янь	Тянь Бо-янь
124	19—20 сн.	эта «случайность» верности случая	эта «случайность» расположения материалов в сборниках и направлена на подтверждение истинности правоучительного заключения, достоверности случая
131	2 сн.	стр. 12—14	стр. 42—44
148	13 св.	Сун	Сунь
181	2 св.	Чэн	Чэнь
521	19 св.	Вэнь Тин-юнь (813?—870?)	Вэнь Тин-юнь (818?—870?)
522	2 сн.	Сун-ли	Син-ли
531	9 св.	Девять источников— см. прим. 5 к № 14.	Девять областей— т. е. весь Китай.
533	8 сн.	Яо-чэном	Яо-чэнем
536	7 сн.	Цзянань	Цзяннань
547	3 сн.	Цзянь	Цзян
548	15 св.	Вэнь-эна	Вэнь-чэна
550	7 сн.	Цзинь-бэ	Цзинь-бе
560	15 св.	а 900	X а 900
566	17 св.	490*	940*
567	17 св.	772, 874*	772, 872, 874*
567	7 сн.	в ¹	в ²
574	4 сн.	а у а	Наука
574	11 сн.	Философия ия	Философия и религия
587	13 сн.	«Idier»	«Idier»